

ТРАЕКТОРИЯ

Иван Кисленков

Траектория

«Автор»

2026

Кисленков И.

Траектория / И. Кисленков — «Автор», 2026

«Иван — гонщик, который чувствует машину так, словно сам её создал. Старый механик однажды роняет странную фразу: «Так знает только автор». С этого начинается путь, в котором переплетаются детские воспоминания, пророческая тетрадь с чердака, ночная гонка под дождём и встреча на светофоре, переворачивающая всё. «Траектория» — это история о выборе, о невыбранных жизнях и о том, что тот, кто едет впереди, — не враг. Возможно, это ты сам.»

© Кисленков И., 2026

© Автор, 2026

Иван Кисленков

Траектория

Часть первая

На стыке двух тысячелетий мир начал стабилизироваться после множества событий прошедшего столетия. Жизнь становилась проще, доступнее. Открывались новые возможности и технологии. Население планеты продолжало расти внушительными темпами.

И вот, самая середина зимы, январь. Рождается ребёнок. Назвали его Иваном, в честь прадеда. Обычный с виду. Врачи сказали матери, что он никогда не будет ходить — слишком искривлены ноги. Но спустя время кости сами выправились, не оставив и следа того страшного диагноза. Ходил, ел, говорил. Детский сад. Школа. Девять классов — среднее образование. Сразу в армию, на водителя. Получил категорию С. Армия пошатала его по всей стране: от пыльных полигонов до окраинных гарнизонов. Гражданка. Со второго раза сдал на категорию В. Обычная работа токарем его устраивала, хоть денег хватало лишь на себя. Семья с края города: мать — продавец, отец — водитель. Годы полетели — один, два, друг за другом, как под копирку.

В день рождения друг подарил ему сертификат в картинг-центр. Иван сел за руль и впервые попробовал не просто ехать, а выжать из машины всё — до визга резины, до скольжения, до той грани, за которой начинается потеря контроля. Круг, второй — и вдруг понял: машина не сопротивляется. Она подчиняется. Физика перестала быть школьной формулой с трением и ускорением — она стала податливой, родной, такой понятной. Он не считал точки торможения в уме. Он чувствовал их телом, как чувствуют камушки под босой ногой, как дуновение ветра — макушкой. Приятель тогда сказал: «Ты просто уехал от меня, как будто я стоял». А Иван молчал. Потому что не мог объяснить: в тот момент ему казалось, что траектория поворота нарисована кем-то прямо на асфальте. Она была логична и не могла быть другой. Оставалось только пройти по ней колёсами карта.

С этого всё и началось. Книги по автоспорту. Любительские соревнования, потом полупрофессиональные ралли. Штурман орёт в переговорку: «Внимание, подброс на левый два!» — а Иван уже повернул руль на спасительные два градуса. За секунду до того, как заднюю ось подбросило бы в неконтролируемый полёт и разворот. Он не анализировал. Он просто знал. Это знание пугало его самого, но привыкнуть к страху легко, когда он приносит подиумы.

Однажды, возвращаясь с ночной тренировки, Иван остановился на заправке. Рядом, у соседней колонки, стоял семейный автомобиль — универсал, внутри детские кресла. Отец заливал бензин, мать успокаивала раскапризничавшегося ребёнка, второй мальчик спал в кресле. Иван смотрел на них, не отрываясь, пока пистолет не щёлкнул, отсёк подачу. Он не завидовал — просто не понимал, что чувствует. Сел в машину и уехал. Но ещё долго в голове стояла картинка: двое детей, женщина, обычная усталость обычного человека. И было в этом что-то, чего он не мог назвать.

Иван вернулся в свою квартиру под утро. Снял комбинезон, бросил на стул. Открыл холодильник — пусто, только банка консервов. Он ел прямо из банки, стоя у окна, глядя на серые крыши. Телефон молчал. Никто не звонил, чтобы поздравить. Тишина стояла такая густая, что,

казалось, её можно потрогать. Он не грустил — он просто не знал, что бывает иначе. Победа пахла консервами и одиночеством.

Механики его команды звали его странным. Иван мог подойти к чужой машине, положить ладонь на капот, постоять с минуту, а затем сесть за руль и поехать так, как ездят люди, годами тренировавшиеся именно на ней. Над ним посмеивались и не принимали в коллектив. Его не любили. Но он выигрывал этап за этапом на технике, которую до него считали капризной и сложной. Он не умел объяснять. Просто любое средство передвижения — от горного велосипеда до вертолёта — становилось понятным, словно чертёж лежал у него в голове с самого рождения. Слово он сам всё это когда-то придумал.

Был среди персонала один пожилой механик — лет под шестьдесят, с прокуреным голосом и вечной масляной ветошью в руках. Он не смеялся над Иваном. Наблюдал, молча, щуря глаз, будто вглядывался во что-то за оболочкой. Однажды, когда Иван выбрался из кокпита после очередной трудной победы, механик подошёл и сказал негромко, почти в спину:

— Ты не просто чувствуешь машину, парень. Ты её знаешь. Так знает только автор. Задумайся.

Иван хотел отшутиться, но слова застряли в горле. Какой ещё автор? Механик сплюнул на бетон, вытер руки и вдруг добавил:

— У тебя дед в старом доме на краю деревни жил? Я мальчишкой там бывал. Мы с пацанами на чердак лазали. Много там интересного было. Книжки, журналы... тетради всякие.

Иван замер. Механик глянул на него и усмехнулся:

— Я ничего не читал, кроме одной. Но ты всё равно спроси у деда.

И ушёл, шаркая подошвами. Иван остался стоять в полном недоумении. Какой чердак? Какие тетради? При чём здесь дед? Он не понял ровным счётом ничего. Решил: старик просто странный. Но слова застряли где-то глубоко — до поры.

Иван завёл дневник тестов. Обычная тетрадь в клетку. Записывал настройки подвески: жёсткость пружин, углы развала, клиренс. Он был не силен в настройках — приходилось записывать каждую мелочь и тестировать неделями. Привычка — заканчивать запись точкой. Машинально, без мысли. Так привык.

После одной из тренировок он от скуки пролистал страницы назад. Трёхнедельной давности запись. Там, где он писал «задний стабилизатор, жёсткость 3», цифра была зачёркнута его же рукой, а сверху выведено: «2.5». И приписка на полях тем же почерком: «Лучше держак».

Он не помнил, чтобы вносил правку. Открыл другую страницу — угол продольного наклона стойки исправлен с 5° на 4.5°. Карандашная пометка: «На мокром уйдёшь».

Почерк был его. Давление ручки, наклон букв, хвостик у «д» — всё совпадало. Но он точно знал: этих исправлений не делал. И главное — в конце каждой такой правки не было точки. Предложение обрывалось, будто автор отвлёкся и не дописал мысль.

Он пролистнул дальше, к более поздним записям. Через неделю после той правки он своей рукой вывел: «Жёсткость стабилизатора 2.5 — идеально. Машина едет». Точка стояла на месте. Обычная, уверенная.

Иван смотрел на эту строчку и холодел. Он ведь тогда выставил 2.5. Машина действительно держала лучше. Но в дневник он записал три. Как будто сознание не заметило подмены. Как будто кто-то поправил его реальность, а память услужливо подчинилась, дописав нужные слова задним числом.

Он долго сидел над тетрадью, потом закрыл её и спрятал в ящик. Заварил чай. Сел у окна. Мысль о чужих правках не отпускала. Она ворочалась в голове, тяжёлая и липкая, пока не вытянула за собой из глубины памяти то, что он не тревожил годами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.